

И САМИ, КАК ЖИВЫЕ КАМНИ, УСТРОЯЙТЕ ИЗ СЕБЯ ДОМ ДУХОВНЫЙ

ОТ «ОБРАЗОВАНЩИНЫ» К ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В России к образованию всегда относились неоднозначно

НА РУСИ ТРАДИЦИОННО СЛОЖНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ОБРАЗОВАНИЮ, ЕГО НЕ ВСЕГДА ЛЮБЯТ И МАЛО ЦЕНЯТ. МОЖНО ЛИ ИЗМЕНИТЬ ЭТУ СИТУАЦИЮ? ЖДАТЬ, КОГДА «ЖИЗНЬ ЗАСТАВИТ» (ИНФОРМАЦИОННАЯ ЭПОХА, ВОЗРАСТАЮЩАЯ НУЖДА В КРЕАТИВНО МЫСЛЯЩИХ ЛЮДЯХ В УСЛОВИЯХ ЖЕСТКОЙ КОНКУРЕНТНОЙ БОРЬБЫ И Т.П.) ИЛИ ПОСПЕШИТЬ САМИМ? КАК ИМЕННО?»

Проф. Н.А. Струве: Я не думаю, чтобы на Руси было какое-то негативное отношение к образованию, чтобы образование не ценилось. На коммунистическую власть пришлось расширение образования на весь народ, что началось и шло быстрым темпом уже до революции. Но она в значительной мере извратила это расширение, желая сделать из образования мощней-

* Оргкомитет международной научно-богословской конференции «Образование в XXI веке: стратегии и приоритеты» обратился к ряду церковных и светских деятелей с вопросами в связи с заявленной темой обсуждения. Мы публикуем часть ответов в этом номере «Кифы», выходящем накануне начала работы конференции.

Монета «Просвещение».
25 рублей 2000 года. Художник: В.М. Ерохин
Скульптор: А.С. Хазов. Чеканка ММД

шее орудие своей идеологии. Но при этом государственным импульсом было в народе, среди преподавателей, и некоторое бескорыстное увлечение образованием, педагогикой.

Проф.-свящ. Георгий Кочетков: Мне кажется, что здесь следует учитывать одно важное обстоятельство: традиция российской культуры, русской культуры в первую очередь, разорвана, прервана, и поэтому говорить о том, что традиционно у нас такое или иное отношение к образованию, можно, но не факт, что

это отношение распространяется на сегодняшний день. Я думаю, что в нашей стране отношение к образованию не очень традиционное, как сама наша страна сейчас не очень традиционная — во всех измерениях. Поэтому базироваться на старом опыте мы не можем. Приходится анализировать всё заново, приходится исходить из того, что наше общество не только нетрадиционно, но и крайне неоднородно. В нашем обществе есть и отношение к образованию с определённым пиететом, и отношение к образованию несерьёзное, халтурное; есть люди, которые никак себя не соотносят с общечеловеческой культурой, с требованиями качества образования и т.д. Поэтому жизнь заставляет людей строить отношения по-новому, получать серьёзное образование, и ценность образования остаётся, пусть и осознанная несколько дисгармонично и даже уродливо ещё в советские времена. И сейчас многие считают, что надо получать высшее образование. Конечно, отсутствие требования к себе и к своему образованию в смысле качества сказывается. Многие всё-таки до сих пор считают, что образование — это корочка, некая возможность, дополнительная зарплата, изменение не внутреннего мира, а внешнего состояния или благосостояния. Вот в этом проблема.

(Продолжение на с. 4-5)

НЕМНОЖЕЧКО КОНСЕРВАТОРЫ ПРОТИВ НЕМНОЖЕЧКО ЛИБЕРАЛОВ

Рокировка во властных верхах разбродила общество, все только и гадают, каков будет Дмитрий Медведев, можно ждать от него послаблений по части всяческих свобод или не стоит, пойдёт он по пути демократизации общества или нет. Незадолго до выборов властная элита занялась выяснением отношений, последовал целый ряд отставок, посадок, на страницы СМИ вылилась отмеренная (а иногда и неожиданно избыточная) доля компромата. Все эти волнения не могли не затронуть и церковные круги. Но духовенству не пристало публично рассуждать о возможных достоинствах и недостатках нового президента. Равно как и заявлять о своих политических предпочтениях — церковь у нас, как известно, вне политики. Патриарх Алексий II выразил надежду, что «дух доверия и взаимопонимания и впрямь будет определять» отношения церкви и государства — и анынши. Однако это вовсе не значит, что различные церковные силы не пытаются заявить о себе, обозначить круг своих интересов и волеизъявлений. Перед праздниками с небольшим перерывом состоялись две весьма примечательные встречи — пастырское совещание

в Новоспасском монастыре и круглый стол в Издательском совете РПЦ.

В Новоспасском собрались те, кто обеспокоен процессами «либерализации» в церкви, подталкиваемыми некими «неообновленцами». Они, дескать, «пытаются» сокращать богослужение, переводить его на современный русский язык... призывают к сокращению и ослаблению постов, сокращению и ослаблению молитвенного правила». Совещатели в Новоспасском готовы были бы взять на себя тяжкий груз и провести с «неообновленцами» разъяснительную работу «в духе братской любви», но поди с ними поговори, когда они на каждом шагу применяют «нечестные и нечистые технологии» — очевидно, так, подлости, сокращают богослужение, что никто этого не замечает. Отчет о состоявшемся совещании также выдержан «в духе братской любви», а именно анонимной клеветы.

Не чужд он, кстати, и нечестным технологиям. Прот. Александр Шаргунов, например (вдохновитель погромщиков выставки «Осторожно, религия!», заметил, что «обновление богослужения под предлогом миссионерства» — для чего, собственно, и предпринимаются попытки перевода на русский язык — не новое явление

в истории Церкви. Мол, еще Второй Ватиканский собор (еретики-католики, понятное дело) провозгласил так называемый «антропологический постулат», согласно которому практика Церкви должна определяться не соответствием ее Преданию, а приемлемостью или неприемлемостью для человека.

Однако разговоры о необходимости перевода богослужебных текстов на русский язык начались в России задолго до Второго Ватиканского собора. По словам канонизированного РПЦ митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского), «уже со времени перевода Библии на русский язык стал с неотложностью вопрос о переводе богослужебных книг на язык, доступный пониманию». И с конца 20-х — начала 30-х годов XIX века перевод богослужебных текстов на русский язык стал систематическим. Достаточно назвать имена протопрезвитера Михаила Богословского, прот. Иоанна Колоколова или профессора СПбДА Евграфа Ловягина.

Быть может, и их соавщики в Новоспасском монастыре числятся среди неообновленцев?

(Продолжение на с. 3)

7 (81)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ
БРАТСТВ

МАЙ
2008

в газете использованы
материалы сайта sfi.ru
электронная версия газеты
gazetakifa.ru

в номере:

Чудо творчества

Из речи, произнесенной прот. Сергием Булгаковым в день десятилетия Парижского Богословского Института
С. 4

Сознательные христиане — это сила, которую победить невозможно

Из доклада протопрезв. Виталия Борового на конференции СФИ «Предание Церкви и предание Школы»
С. 5

Требовательно-пронзительный образ и уют «молитвенной атмосферы»

Иконописец священник Андрей Давыдов размышляет о проблемах восприятия иконописи современным человеком
С. 6

Спасение и общение

Доклад Елены Подкопаевой посвящен наследию великих «парижан»
С. 7

Как это можно объяснить?

О том, что случается, когда за дело миссии берутся неподготовленные люди
С. 8

В приложении «Миссионерское обозрение» — новости и доклад, посвященный Алтайской миссии

В Косово в Пасхальную ночь взорвали православный храм

Три человека ранены в результате взрыва, прогремевшего Пасхальной ночью 27 апреля на севере края Косово, населенного преимущественно сербами. Как сообщил представитель косовской полиции, «взрыв произошел в центре города Лепосавича».

Полиция полагает, что речь идет о взорванной ручной гранате. Трое раненых были оперативно доставлены в больницу города Косовска Митровица. Мотивы теракта, проведенного в первые часы православной Пасхи в Косово, куда на праздники прибыл президент Сербии Борис Тадич, выясняют.

В Израиле живет от 70 до 100 тысяч православных

В течение многих лет евреи, которые при получении гражданства скрыли от властей то, что они исповедуют другую религию, перешли в христианство впоследствии или объявили себя мессианскими евреями, лишились гражданства. Но в этом году «Высший суд справедливости» принял апелляцию группы мессианских евреев и признал их право на возвращение в том случае, если евреям был только отец, а не мать. Таким образом, новая трактовка Закона о возвращении дает право на репатриацию крещеным детям отцов-евреев.

Сколько именно новых репатриантов, вышедших из стран СНГ, евреев и неевреев, исповедуют христианство в Израиле, — никто точно не знает. В церкви на Русском подворье по праздникам собираются сотни людей, однако трудно понять, кто из прихожан — израильтянин, а кто — иностранец, который учится или работает в Израиле.

Олег Усенков, пресс-секретарь благотворительного общества православных христиан Израиля, говорит, что по приблизительным оценкам, в стране проживает от 70 до 100 тыс. православных. По другим оценкам, их может оказаться даже больше.

«По данным МИД Израиля, в начале 90-х годов с волной еврейских репатриантов из стран СНГ приехало 30 тыс. православных христиан, членов семей репатриантов. А ведь речь идет лишь о тех, кто осмелился заявить о своем вероисповедании! — говорит Усенков, приехавший в Израиль из Москвы. — Многие скрыли от властей этот факт, так как считали, что их вероисповедание может как-то скомпрометировать их семью».

По словам Олега Усенкова, многие, в особенности крестившиеся уже в Израиле, продолжают скрывать этот факт и по сей день.

«Одни боятся потерять гражданство, а другие даже опасаются физической расправы. Например, храм Святого Николая в городе Мигдаль ха-Эмек на севере Израиля уже не раз подвергался нападениям», — рассказывает представитель благотворительного общества православных Израиля.

Олег Усенков отметил также, что православные священники не только не занимаются миссионерством, но напротив, «крайне строго относятся к людям, которые открывают для себя христианство и собираются креститься».

И все же, считает Усенков, в последние годы все больше и больше людей выходят из подполья и тянутся к церкви, поскольку накопилась потребность в духовности, в очаге веры, в праздниках и ритуалах.

«Когда мы создавали нашу церковь в Мигдаль ха-Эмек многие говорили: “Да откуда в этом небольшом городке возьмутся христиане?” Оказалось, что их там предостаточно», — рассказывает Усенков. — В будние дни в церковь приходят десятки верующих, по праздникам — сотни».

Гораздо хуже, по словам православных, дела обстоят на юге страны, где церквей просто нет.

«Сегодня многие начинают осознавать, что если не начать действовать сейчас, в следующем поколении православных на Святой земле может практически не остаться», — говорит Усенков. — Если бы Израиль повернулся к православным лицом, не было бы сотенных сектантов среди репатриантов».

Недавно Иерусалимская Патриархия, осознавшая, что количество русскоязычных верующих, возможно, даже превышает количество арабоязычной паствы, создала специальную синодальную группу для организации «пастырской поддержки» русскоязычных православных христиан на Святой земле. Руководит ею епископ Феофилакт, семь лет занимавший пост представителя Иерусалима при Московской Патриархии.

По материалам BBC и IzRus

Глава немецких католиков защитил целибат

Он назвал целибат «вызовом» и «огромным источником духовной силы»

«Целибат, с одной стороны, является бременем, а с другой, ставит каждого молодого мужчину перед выбором, является ли Бог решающей действительностью в его жизни», — сказал архиепископ Robert Zollitsch, глава римско-католической Конференции Немецких Епископов (DBK) журналу «Stuttgarter Zeitung».

«Целибат — это огромный вызов, но и источник духовной силы. Я думаю, что он останется еще надолго», — добавил иерарх.

Архиепископ Zollitsch подчеркнул, что римско-католическая Церковь, в отличие от восточных Церквей, имеет другую традицию относительно целибата, а ее изменение в настоящий момент невозможно, хотя бы с точки зрения позиций Церкви в Азии и Африке, которые переживают огромный рост количества обращений и призываний и настаивают на традиционной модели священства. Глава DBK напомнил, что вопрос целибата — это не частная проблема секуляризованных стран, но дело, которое касается всей Церкви.

Англиканская Церковь предлагает создать особые епархии для противников женского священства

Англиканская Церковь предлагает создать особые епархии, в которых могли бы объединиться противники женского священства, передает NEWSru.com. Традиционный географический принцип при этом не будет приниматься во внимание. Таким образом Церковь Англии надеется сохранить единство англиканской общины, где не утихает гнев консервативных верующих, недовольных тем, что среди священников и епископов появились представительницы

прекрасного пола, сообщает британская «The Times».

Правда, как отмечает газета, такое нововведение может вызвать протест либеральных представителей сообщества, считающих, что Церковь не должна идти в этом деле на компромисс. По словам критиков этой идеи, стремление сохранить, с одной стороны, женское священство, а с другой, — удовлетворить недовольных, которые, по их словам, составляют меньшинство, превратит Церковь в подобие швейцарского сыра Gruyere — со множеством дырочек.

Новые планы Англиканской Церкви были озвучены накануне в ходе подготовки к предстоящей Ламбетской конференции в Кентербери, которая собирается раз в десятилетие и на которую съезжаются англиканские иерархи со всего света. Ожидается, что разговор на конференции будет нелегким и противостояние между либералами и консерваторами еще более усилится. Особую остроту конфликту может придать присутствие на конференции главы Нью-Гемпширской епархии епископа-гея Джина Робинсона, недавно отпраздновавшего свадьбу со своим партнером. Робинсон пренебрег предостережениями Архиепископа Кентербериского Роузена Уильямса — противника этого брака. Более того, он опубликовал в «The Times» материал, основанный на изданной им книге, в котором осуждает противников рукоположения женщин и гомосексуалистов.

С предложением организовать новые «консервативные» епархии выступила накануне группа англиканских иерархов во главе с епископом Манчестера Найджелом Маккаллоком. В подготовленном документе говорится, что сторонники женского священства признают право его противников защищать свои богословские взгляды в рамках англиканского вероучения и его традиций, поэтому им должна быть предоставлена возможность пасторского попечения.

В документе также сказано, что практика рукоположения женщин, не подкрепленная определенными гарантиями для его противников, создает основу для конфликтов в англиканском сообществе.

За отказ снять кресты ирландским христианским лидерам запретили приближаться к Стене плача

Главный раввин Стены Плача Шмуэль Рабинович запретил ирландским религиозным лидерам посещение главной еврейской святыни в связи с тем, что их одеяния были украшены крестами.

Об этом пишет в четверг, 1 мая, новостное агентство The Associated Press. Кардинал Шон Брайди, архиепископ Ирландии Алан Гарпер и руководители методистской и пресвитерианской церквей Джон Финли и Рой Кулер прибыли в четверг в Старый город Иерусалима, не предупредив об этом израильские власти, заявил Брайди в интервью ирландскому телеканалу RTE.

«Мы столкнулись с некоторыми трудностями в получении права на доступ, поскольку на нас были кресты. К сожалению, у нас не так много времени, и мы решили продолжить поездку», — цитирует агентство слова кардинала.

Раввин Рабинович, со своей стороны, заявляет, что необходимо проявлять уважение к еврейским святыням. «Мы попросили их снять кресты, но они отказались», — сообщает раввин.

Напомним, что в ноябре прошлого года аналогичный инцидент произошел с австрийскими епископами. 20 епископов Австрии прибыли в Израиль. Воз-

главил делегацию архиепископ Венский кардинал Кристоф Шенборн, который является одним из кандидатов на папство и известен своим дружеским отношением к Израилу. Два года назад архиепископ Шенборн заявил, что «Израиль — страна евреев».

Делегация австрийских епископов отправилась в Израиль, чтобы принять участие в теологической конференции в Назарете. Епископы также посетили Вифлеем и Мемориальный комплекс памяти жертв Холокоста «Яд ва-Шем». Именно во время осмотра еврейских святынь австрийской делегацией, сопровождаемой новым послом Австрии в Израиле Михаэлем Ранди, произошел неприятный инцидент.

Раввин Рабинович заявил тогда о своем возмущении, вызванном облачением австрийских церковнослужителей: «В таком виде подходить к Стене плача просто недопустимо. Я им сказал, что Папа Римский, подходя к Стене, спрятал крест. Стена плача открыта для исповедующих все религии, но это не дает им право оскорблять чувства евреев. Это то же самое, как если бы еврей зашел в церковь в талесе и филлактэрий».

«Попросить у епископов снять кресты — это все равно, что потребовать от раввинов сбрить бороды. Это вовсе не обязательно», — корректно выразил свое возмущение представитель Австрии и добавил, что, несмотря ни на что, епископы довольны своим израильским визитом.

Разделявшую католиков и протестантов стену снесли во французском храме, чтобы провести первое экуменическое богослужение

Стена, в течение двух веков разделявшая католиков и протестантов внутри одного храма, разрушена в местечке Бомон-ле-Валанс (Beaumont-les-Valence) к югу от Лиона, сообщила французская газета «La Croix» («La Croix»), на которую ссылается РИА «Новости».

По данным издания, стена была возведена в 1806 году, и с тех пор католики и протестанты проводили богослужения в раздельных помещениях.

Местные жители назвали это событие «падением стены» по аналогии с падением Берлинской стены и объединением Германии. 27 апреля в едином пространстве храма было впервые совершено экуменическое богослужение.

«Наступил конец антисидельства христиан», — заявил настоятель католического прихода священник Жан-Пьер Лемонан.

Он вспомнил времена, когда антагонизм католиков и протестантов доходил до такой степени, что даже продукты в магазинах покупали только «у своих»: католики — у католиков, а протестанты — у протестантов.

Одна из инициаторов примирения сообщила, что в последние годы общины оставались после богослужений, чтобы послушать песни, которые пели «за стеной», а затем завязалось общение, которое и привело к «падению стены».

Потеплению атмосферы способствовали переговоры настоятелей приходов, которые решили создать экуменический хор. Затем пришла идея сделать в стене дверь, а местный архитектор предложил ее вообще сломать. Когда вопрос был поставлен на голосование, в обеих общинах нашлись только два человека, которые воздержались, остальные были «за».

МАЛО ТОЛЬКО ГОВОРИТЬ КРАСИВЫЕ СЛОВА О ВЕРЕ

Встреча духовного попечителя Преображенского содружества малых братств священника Георгия Кочеткова с представителями малых братств состоялась в Подмоскowie 9 – 11 мая 2008 года. В ней приняло участие больше 100 человек из разных городов и стран. На таких ежегодных встречах обсуждаются вопросы жизни Содружества в контексте как церковного Предания, так и современной жизни церкви. В первый день, который совпал с днем памяти свт. Стефана Пермского, отец Георгий поздравил членов одноименного малого братства с их вступлением в Преображенское содружество, после чего рабочая часть дня началась с размышления о Доме Божьем, образом которого могут быть дома христиан, в которых они призваны жить по-Божески — в единстве с Богом и друг с другом, в молитве Богу, а не каким-то другим богам, будь то боги футбола, чрева или маммоны. Последовавший затем разговор о воцерковлении детей и молодежи начался с вопроса о том, почему в современном храме чаще всего можно увидеть малышей, которых родители приводят за ручку, но как только дети учатся принимать самостоя-

тельные решения, они тут же «испаряются» из церкви, причем некоторые навсегда. «А где дети?» — задавали себе вопрос братья и сестры и предлагали на него разные ответы. В завершение обсуждения они пришли к выводу: нужно уметь трезво оценивать разницу между реальным воцерковлением детей и развлекательными программами для них, которые в лучшем случае могут способствовать лишь их социализации. На встрече также обсуждались проблемы благотворительности и милосердия, миссии и катехизации в церкви, издательской деятельности и др. Не раз во время обсуждения участники встречи возвращались к теме международной конференции «Духовное противостояние пустоте в церкви и обществе», которую Преображенское содружество вместе со Свято-Филаретовским институтом и журналом «Вестник Русского Христианского Движения» будет проводить в конце сентября — начале октября 2008 года. В частности, прозвучала мысль о том, что пустота возникает не только в результате различных разрывов между верой и жизнью христиан, неисполнения данных обещаний и другого небрежения духовной жи-

знью, но и тогда, когда готовность говорить красивые слова не сопровождается готовностью ежедневно трудиться во славу Божию. В заключение

встречи после праздничной трапезы братчики посетили различные монастыри и музеи Москвы и Подмоскowie.

Анастасия Наконечная

(Фото Владимира Иванова)

Во время поездки в Воскресенский Новоерусалимский монастырь

НЕМНОЖЕЧКО КОНСЕРВАТОРЫ ПРОТИВ НЕМНОЖЕЧКО ЛИБЕРАЛОВ

(Продолжение. Начало на с. 1)

Во время сбора отзывов епархиальных архиереев по вопросу церковной реформы в 1905–1906 годах большинство уже официально предложили перевод как один из пунктов преобразований. А с 1911 года разрешалось храмовое богослужение на русском языке по благословению правящего владыки. Впервые такое разрешение было дано в Самарской епархии, священник Николай Пономарев подробно рассказал об этом в «Самарских епархиальных ведомостях» того же года.

Так что не надо делать вид, что этот «модернистский уклон» идет к нам от католиков. Кстати, и Архиерейский собор РПЦ 2004 года призывал к развитию литургического творчества и редактированию богослужебных текстов «с целью облегчения восприятия молящимися» — ну просто кругом «маловерие и отсутствие правильного духовного устройства». Однако вот уже «новоспасские» научат нерадивых уму-разуму: после доработки редакционной комиссии должен быть опубликован итоговый документ совещания.

В Издательском совете РПЦ собралась совсем другая компания — здесь речь шла о прямо противоположном: не как превратить церковь в банку консервов, а, напротив, как бы добавить ей открытости, хотя вопрос о том, какова должна быть доля «реставрационной составляющей» в современной церковной жизни, прозвучал и на этой встрече. Епископ Саратовский и Вольский Лонгин, в частности, предложил определиться с тем, какое время хотелось бы взять «за образец» — «эпоху Ивана III, царя Алексея Михайловича, XIX век?» И вообще в какой степени в церковной жизни необходимо приноравливать к современности?

Не очень представляя себе, как церковь может вернуться в эпоху Ивана III, да даже и в XIX век, — боюсь, что даже без пастыри не может: священнослужители ведь тоже люди, а не мумии. Но, в любом случае, на заседании в совете никто не кивал многозначительно на «вернувшихся не туда», а предлагали обсуждать все насущные церковные вопросы «в рамках самой широкой дискуссии». Однако с дискуссией — как раз и проблемы.

Ну какая может быть дискуссия, когда участники заседания, не последние, заметим, в церкви люди — епископы Лонгин и ставропольский Феофан, сотрудники ОВЦС МП Всеволод Чаплин и Николай Балашов, руководитель пресс-службы патриархии Владимир Вигилянский, известные московские пастыри Владислав Свешников и Сергей Правдолюбов, председатель Издательского совета прот. Владимир Силунов, отв. редактор официального органа патриархии газеты «Церковный вестник» Сергей Чапнин и даже представители РПЦЗ священники Виктор Потапов и Андрей Сикаев и др., — обсуждая проблему разрешения конфликтных ситуаций в церковной среде, ни один из случившихся за последнее время конфликтов даже не упомянули. А рассуждали все о каких-то абстракциях: что конфликты, дескать, могут «оздоровить» церковь, но могут и «перерасты в социализм»; что их нужно разрешать, прежде всего, через «преодоление греховности»; что нужно повышать культурный уровень дискуссии, а то священники в интернете ругаются как сважники. О. Николай Балашов попытался придать обсуждению более конкретный характер, предложив составить перечень конфликтных тем, которые волнуют верующих. И о. Всеволод Чаплин тут же такую «конкретную» тему нашел: «человек не на своем месте». Просто рязящая конкретика.

В общем, ни история с епископом Диомидом, ни неправоудное лишение сана клирика Латвийской православной церкви Московского патриархата Яниса Калниньша, ни продолжающийся до сих пор скандал с увольнением с настоятельской должности заслуженного пастыря Павла Адельгейма (вся Псковская епархия пишет возмущенные и просительные письма правящему архиерею митрополиту Евсевию) — ни один из случаев не рискнули не только обсудить собравшиеся в Издательском совете, но даже назвать (на дело Калниньша прот. Всеволод Чаплин, правда, намекнул).

А ведь обсуждать есть что. Хорошо, на встрече не присутствовали участники перечисленных конфликтов, а, не

услышав мнения сторон, выносить суждение негоже. Но возьмем, к примеру, Положение о церковном суде, которое должно быть принято на Архиерейском соборе РПЦ в июне этого года и посему стало отдельной темой состоявшегося разговора. По мнению участников круглого стола, оно призвано сыграть важную роль в разрешении конфликтных ситуаций. Однако создается впечатление, что с принятым в 2004 году Временным положением о церковном судопроизводстве знакомы далеко не все из присутствовавших на встрече. Как иначе понимать слова свят. Сергия Звонарева, что «церковный суд должен предполагать публичность, презумпцию невиновности, возможность сторонам высказать свои аргументы, и только в этом случае может стать эффективным средством разрешения конфликтов»? Ведь Временное положение прямо говорит о том, что церковный суд будет закрытым, а о принципе презумпции невиновности там нет и речи. Или это такой способ полемизки?

Тогда значит ли это, что со всем остальным о. Сергей согласен? С тем, например, что из пяти судей епархиального суда трое главных назначаются правящим архиереем, причем сам он вправе стать председателем. А остальные двое избираются епархиальным собранием по представлению епархиального архиерея. И вообще епархиальный архиерей может рассмотреть дело единолично и единолично же вынести решение. А к суду он волен прибегать, буде случай покажется ему сложным.

В общем, есть все основания сомневаться, что такой церковный суд станет «эффективным средством» разрешения конфликтов. Гонения на отца Павла Адельгейма, специалиста в области церковного права, многократно усилились после того, как он выступил с открытой критикой Временного положения. «Широкой дискуссии» эта критика не вызвала. Возможно, впрочем, на Архиерейском соборе будет принято какое-то совсем другое положение, но тогда же можно с ним ознакомиться? Этот вопрос, однако, на круглом столе тоже не возник.

Казалось бы, на совещании в Но-

воспаском монастыре собрались представители церковного антилиберального фланга (иные так и вовсе с фундаменталистскими наклонностями). В Издательском же совете заседали скорее сторонники церковных свобод и соборности. Однако на протяжении всех постсоветских лет было довольно трудно говорить о существовании в церкви четко структурированных движений. Тех, кого принято было считать «либералами», делали таковыми на самом деле могли иметь самые разные взгляды по вопросам как богословского, так и церковно-общественного характера. Да и сами консерваторы не составляли некоего монолита, дробясь на множество групп и группировок самого разного толка.

Теперь же на чистоту рядов не осталось и намека. Прот. Сергей Правдолюбов, например, присутствовал на обеих встречах. Наместник Сретенского монастыря архимандрит Тихон (Шевкунов) заседал в Новоспасском, зато другой представитель монастыря, иеродиакон Павел, принимал участие в круглом столе. А куда деваться? Все так зыбко на политическом фронте России, что и полосу политического притяжения в церкви «размагнитились». Вот и стали все, кроме самых упертых, в чем-то немножечко консерваторами, на худой конец — неоконсерваторами, а в чем-то — немножечко либералами, хотя и готовыми в любой момент на доверительное признание: ох, не люблю я этих либералов. А глаза церковной элиты, так же, как и светской, прикованы к Дмитрию Медведеву: в какую сторону он повернет, как будет выстраивать отношения государства и церкви?

А стало быть, если свобод в обществе прибавится, то и рамки церковной дискуссии неизбежно расширятся. Если же демократию и дальше будут давить, то, пожалуй, и о. Тихона с о. Александром скоро запишут в неоповновены.

Светлана Солодовник
«Ежедневный журнал»

Чудо творчества

Парижское богословие хочет быть и является современным в отношении к своей современности, подобно тому, как были современниками своей современности, а потому и вожжами своей эпохи те, кого Церковь ублажает как в еленинских учителей. Печать эпохи явственно лежит на нашем богословском творчестве, и поскольку новое есть синоним творчества, это и есть наш «модернизм», в котором нас укоряют люди, тшщиеся бесслыно остановить солнце и упразднить историю. Но этот модернизм есть и хочет быть живым преданием, которому мы посильно служим в верности Церкви. Чудо творчества не совершается без творческого дерзновения, и его вдохновение ищет для себя своих собственных путей, ибо, поистине, в дому Отца суть обители многи.

Но есть одно условие, при котором лишь возможно богословское творчество, это — свобода искания, без которой утрачивается искренность и воодушевление. При всех своих достоинствах и достижениях, прежняя духовная школа не имела этого блага в такой мере, как мы, которые почтены этим даром от нашего иерархического главы, и, думается, все мы чувствуем потребность высказать свое убеждение, что эта заслуга его золотыми письменами вписана в скрижали истории. Да, мы были свободны в своем богословствовании, нам было оказано доверие, и, смею сказать, мы его оправдали и оправдываем. Ибо наша свобода есть церковная свобода, верных и любящих сынов Церкви, а не взбунтовавшихся рабов. Мы хотим свободной преданности Церкви, — верности ее преданию, но верности творческой. Вероятно, скажут, что дар духовной свободы есть не только драгоценный, но и опасный дар. Может быть, это и так, но по-зволительно ли, прежде всего искать безопасности? Все творческое содержит в себе элемент риска и неуверенности. Не опасным ли является перед судом здравого смысла и само Христианство, и нам ли в наши дни всеобщего смятения апеллировать к безопасности? Апостол шел по водам за Христом, пребывая в безопасности, но стал тонуть, как только испугался этого своего пути. И существует ли путь, обеспеченный в его безопасности, среди этого мирового урагана, в этой океанической буре? Только любовь ко Христу и Церкви Его может дать нам эту спасительную уверенность.

Есть одна черта, которую может засвидетельствовать о себе Парижское богословие в оправдание своей свободы и самого даже существования: оно рождается из молитвы; больше того — из вдохновения Божественной Евхаристии, у алтаря. Не внешне только, но и внутренне наша школа соединена с храмом, и наши убогие рабочие храмы находятся непосредственно под храмом. Это знаменует естественную иерархию ценностей и в наших сердцах. *Lex orandi est lex credendi* — говорит богословская формула... Закон молитвы есть закон веры и закон богословствования. И без ложной гордости, но и без лицемерной скромности можем мы сказать, что богословский труд истекшего 10-летия представляет особую страницу русского православного богословия, открывает как бы новую его главу. Он уже неотъемлемо принадлежит истории, сколь бы ни малы были наши силы, сколь бы ни тяжели были условия нашего труда. Богословские труды деятелей нашей школы даже и количественно не уступают, а может быть относительно превышают труды наших западных собратьев за истекшее 10-летие. Есть особый коллективный, написанный и не написанный, опубликованный и неопубликованный труд — Парижское богословие. Его мы со всей почтительностью приносим Церкви и его со всей верностью посвящаем нашей Родине.

Из речи, произнесенной прот. Сергием Булгаковым в день десятилетия Парижского Богословского Института

ОТ «ОБРАЗОВАВЩИНЫ» К ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

(Продолжение. Начало на с. 1)

Проф. В.Л. Глазьев: Не могу согласиться — и до революции, и после образование выступало как высшая ценность, и семьи, и в особенности вдовы послевоенного времени, напрягали все силы ради одного — чтобы дети (или хотя бы один из них) выучились и вырвались из жалкого существования. Да, образование как таковое, как средство самостановления личности, воспринималось только единичными, как, подозреваю, было и в других странах. Да, отношение к образованию было в социальном смысле утилитарным, но говорить о его малой ценности нет оснований. Нынешняя ситуация мало изменилась: и в крупных, и в средних, и в малых городах, и в селах — три четверти родителей декларируют стремление, чтобы дети получили высшее образование.

Иное дело, что машина высшего образования и собственно образование, если иметь в виду горизонт самостоятельного мышления и развитие компетенций, разошлись в стороны к началу 30-х годов прошлого века. Этот процесс маскировался примитивно индустриальным характером советского общества, равно как и крайне долгим процессом угасания персонального качества профессуры. Скажем, я, поступив в архитектурный институт в 1957 г., еще мог слушать Бунина и Брунова, заставить проектные уроки Кринского и Бархинных, общаться с Мельниковым, которые, в свою очередь, были учениками мастеров первого ряда. Скорее всего, три-четыре поколения неполной, но все же трансляции означают угасание традиции, свертывание ее до сугубо персональных исключений. Изменить эту ситуацию невозможно, попытки же импорта внешних традиций (в основном в американско-международной редакции) вряд ли успешны.

Единственное, что остается — пытаться достичь почти невозможного и удерживать огоньки традиции в учениках, в надежде на чудо.

Проф. Жорж Нива: Меня удивило в первом вопросе утверждение, что на Руси всегда сложное отношение к образованию. Существует антагонизм «народ — интеллигенция», обучение грамоте в народе было связано со священной книгой и, значит, с христианством, а у интеллигенции — скорее с западным влиянием.

Да, может быть, в России этот антагонизм резче, чем в других местах. И, может быть, интеллигенция грешила большей гордыней, хотя нигде как в России так неистово не служила народу... Я прекрасно это себе представляю по русской литературе, от Толстого до Блока. Но в России образование с конца XIX века, в особенности с конца, стало блестящим.

Может быть, недостаточно умели пользоваться образованием. Отсюда вот эта ненависть к интеллигенции, эта резня интеллигенции в начале революции. Отсюда желание Блока, чтобы сожгли даже библиотеку в Шахматове. Потому что кумулятивный процесс любого добра, любых знаний, — это как будто стяжательство, что-то греховное.

Вот этот аскетический максимализм сыграл роль, но сейчас — вряд ли... Конечно, когда Россия станет совершенно гармонической и светлой страной, тогда у всех будет высшее образование, и столько высшего образования, сколько каждый может воспринимать.

Я считаю, что школа, в самом широком значении этого слова, т.е. от начальной школы до доктората, должна подготовить, прежде всего, свободно мыслящих и разумных людей. А потом только давать технические знания.

Потому что эта внутренняя свобода приобретает, когда человек имеет основные знания, когда он имеет критический ум, когда он сам определяет себя, определяет главные ценности жизни, жизни религиозной, политической, экономической. Унаследовать можно, но этого недостаточно, надо самому выбрать свое наследие.

И конечно, сейчас я вижу в России нездоровую тенденцию увеличивать это наследие, так сказать, почти насильственным образом, прививать под видом патриотизма, новых «историй» родины или даже религий. Что касается религии, я всегда думаю, что самый большой враг религии — это именно несвобода религии, и это особо касается нашей веры, христианства. Я не знаю насчет других, не рассуждаю. Но христианство без свободы, это, конечно, искажение христианства. И мы настолько часто видели плачевные результаты этого в истории, в России и вне России, что лучше не повторять. Во всех отношениях, нужны граждане, нужны свободно мыслящие люди, и критически мыслящие люди, как говорили в XIX веке. А я думаю, что студент, школьник, который этого добивается вместе, конечно, с багажом знаний, станет лучше разбираться в технике и будет более свободным христианином. То есть лучше выберет ту область, которая ему нужна, которая нужна обществу. Он не бросятся в первое попавшееся окно и, мне кажется, что отказаться от этого общего воспитания ума

посредством философии, посредством музыки, посредством истории было бы очень опасно.

В России меня всегда слегка смущали «панорамные» знания, которые дают школьникам и студентам. Это большая разница с западным воспитанием. И уже давно Монтень сказал, что лучше хорошо мыслящая голова, чем битком набитая голова. Я вижу, что, например, на филологических факультетах дают всегда панорамы, ну, скажем, мировой истории, европейской культуры, но не вникая в их содержание.

А.А. Мелик-Пашаев, психолог, художник и редактор педагогического журнала «Искусство в школе»: Я не уверен, что такая оценка отношения к образованию «на Руси» вполне объективна. В старые времена образование в нашем смысле слова касалось относительно немногих людей, и в этих кругах, мне кажется, оно очень даже ценилось. А к большинству других оно не имело отношения, и они могли по-разному к нему относиться или не относиться никак, хотя все-таки проявляли «поштение». Ведь не случайно уже в советское время многие люди, прожившие часть жизни до революции, шли на большие трудности и лишения, чтобы дать хорошее образование своим детям, даже если сами его не получили и не принадлежали к потомственной интеллигенции. Да и в моем поколении немало было тех, кто учился в школах рабочей молодежи, и высшее образование ценилось, хотя материальных привилегий могло и не давать. Может быть, глубинные ценности, сверхзадача культуры и образования и не осознавались (хотя бы потому, что десятилетиями вслух не упоминались), но с помощью какой-то остаточной энергии интуитивно привлекали многих. Если же эти ценности размывать или заменять какой-то внешней необходимостью... Говорят, американцы успешно реформировали образование, чтобы не отстать по космической части. Мне кажется, у нас такие мотивы «не сработают». Впрочем, может быть, устарели мои понятия о том, что значит «у нас»?

Доктор философских наук, социолог А.А. Игнатьев: Для меня это тоже вопрос, который заслуживает сложного отношения: я сам принадлежу к «образованному сословию» и, кроме того, «по жизни» хорошо знаю, насколько погубительным соблазном является принцип «сила есть — ума не надо», или, как теперь говорят, «прав тот, кто сверху». Тем не менее, каких-либо иллюзий по поводу общества, в котором прожил жизнь, и которое вот уже несколько десятилетий изучаю методом «включенного наблюдения», у меня нет: коротко говоря, Россия не прошла той суровой школы, которую Макс Вебер назвал «рационализацией», а стало быть — субъективно в «intelligere» нуждается не больше, чем какая-нибудь подростковая «тусовка» или африканская деспотия (технологии всегда можно купить, на крайний случай — украсть, а для работы на нефтепромыслах или в борделях образование скорее помеха). Как тут можно «пошестить», тем более так, чтобы никого не насмешить, я не знаю, однако твердо уверен: что бы кто ни делал, уровень и престиж образования как такового в этой нашей стране в обозримой перспективе неизбежно будет снижаться, а те немногие, у кого оно еще есть, постепенно уйдут в госаппарат и бизнес или вовсе уедут.

МОГУТ ЛИ ПОМОЧЬ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ОБРАЗОВАНИЯ ВОЗНИКШИЕ В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ? ЧЕМ ОНИ РАСПОЛАГАЮТ И В ЧЕМ НУЖДАЮТСЯ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЭТОЙ ЦЕЛИ? ИЛИ ТАКОЙ СВЯЗИ С ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ ФОРМОЙ НЕТ?

Проф.-связ. Георгий Кочетков: Негосударственные образовательные учреждения являются необходимым элементом системы образования в стране. Они бывают разных типов — есть те, которые просто помогают людям получать халтурные дипломы и профанируют образование, наносящие отмыкания денег в финансово-экономической сфере, и таких, видимо, немало, — и есть те, которые разнообразят образование, ищут новые пути, творчески относятся к своему делу и являются жемчужинами в нашей системе образования. Поэтому такая форма образования является в нормальном случае очень плодотворной и очень перспективной.

Проф. В.Л. Глазьев: Могут помочь, но чаще не могут, поскольку — см. мой ответ на первый вопрос — эти учреждения создаются теми же людьми, иногда лучшей пробы, но чаще отнюдь не лучшей. В наших условиях эти учреждения непременно будут проигрывать казенным в смысле обеспеченности всех видов, однако открывающаяся сейчас возможность преобразования казенного вуза в АНО* может создать новые возможности.

Проф. Жорж Нива: Мне трудно судить, я всегда считал и считаю до сих пор, что лучший мотор — это конкуренция, т.е. не должно быть ни монополии государства на образование, ни монополии религии, ни вообще никакой монополии. Хотя, конечно, я думаю, мы признаем все, что государство должно указать общие рамки во избежание каких-то патологических или преступных отступлений.

* автономную некоммерческую организацию

Т.е. минимальный интеллектуальный багаж, который надо давать каждому человеку, какие-то программы. Но указать все, навязать учебники, — я думаю, что это ошибочно.

А.А. Игнатъев: В таком контексте действительно существенной становится дихотомия «отечественные»/«иностранцы», т.е. вопрос о том, где получает образование немногочисленное потомственное «руководство», «элита», и где — так называемая «масса» линейного персонала, «исполнителей». На мой взгляд, конкуренция между отечественными образовательными учреждениями различной «подчиненности» приобретает реальный предмет исключительно в этом контексте: сугубо технического, «инструментального» обучения; при этом, однако, «частные» образовательные учреждения, остающиеся «проектно» конкретной персоны, как правило, обладают гораздо более четкими приоритетами и, в общем, заметно более широким доступом к источникам финансирования, т.е. перспектива «интенсификации» учебного процесса в данном случае более благоприятна, но и зависимость от «спонсора», в том числе его (её) фантазий или даже капризов, гораздо сильнее. Тут, правда, есть очень важное исключение — корпоративные академии (военные, дипломатические, спецслужбы), т.е. институциональные контексты, которые *ex definitionis* исключают специальную подготовку своей корпоративной «элиты» за границей, по крайней мере — пока, а также церковные и вообще религиозные образовательные учреждения.

А.А. Мелик-Пашаев: Мой небольшой опыт подсказывает, что происходящее в негосударственных учебных заведениях уж слишком зависит от тех, кто ими руководит и в них преподает. Конечно, все образование зависит от этого, но в разной степени. Я имею в виду не только зависимость качества образования, но и зависимость по части выживания. И нередко «мастера выживания» как раз и не могут ничему хорошему научить. В смысле качества образования многие частные школы — хуже, чем многие государственные. С другой стороны, в частной школе создаются условия, в которых могут учиться такие дети, для кого обучение в обычной школе просто невозможно. В частной школе относительная свобода содержания обучения, хотя и в берегах «стандарта». Во благо это или во вред — опять-таки зависит от учителя. Такие учебные заведения, конечно, должны существовать, и в ряде случаев их надо поддерживать, но проблемы образования в целом это, по-моему, не решит.

НАСКОЛЬКО ОБРАЗОВАНИЕ КАК ПОДГОТОВКА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОБСТВЕННОМ СМЫСЛЕ СЛОВА (ОТ INTELLIGERE — ПОНИМАТЬ, МЫСЛИТЬ) МОЖЕТ БЫТЬ РЕЗУЛЬТАТОМ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННЫХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ УСИЛИЙ? КАК ВОЗМОЖНО (И ВОЗМОЖНО ЛИ) ВОЗВРАЩЕНИЕ К ГЛУБИНЕ И ЦЕЛОСТНОСТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА, ВСТУПЛЕНИЕ НА ПУТЬ ОТ «ОБРАЗОВАНЩИНЫ» К ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ?

Проф. Н.А. Струве: Вопрос нынче обстоит для всего мира (за исключением малоразвитых стран): сначала было обязательным начальное образование, затем стало среднее. Теперь, не в порядке закона, но социологически и психологически де-факто обязательно и высшее образование. Это неизбежно влечет понижение уровня образования, как среди студентов, так и среди профессоров. Но не исключено, что со временем и при некоторых реформах уровень станет подыматься. Определить, какими должны быть реформы, издалека нелегко. Во Франции, где университеты, да и школы (за исключением частной католической) были целиком огосударвлены, вопрос в том, как предоставить университетам некоторую автономию.

Проф. В.Л. Глазьев: Осмелюсь предположить, что все же следует различать интеллигенцию как развиваемую способность, развитие которой происходит преимущественно в неформальной среде кружка, клуба или мастерской, но никак не в вузовской машине (в общем случае) от *intelligencia* как сугубо российской и, что важно, советского феномена, который очевидным образом завершает свою историю. В этом втором смысле интеллигенция уступает место *intellectuals*, и в этом отношении Россия втягивается в мировое сообщество сильнее, чем когда-либо.

Проф. Жорж Нива: Путь от «образованщины» к интеллигенции — это обратный путь к интеллигенции, потому что «образованщина» — она выходит из интеллигенции, которую, как вы знаете, Бердяев в 1909 году упрекал за то, что она далека от жизни и не отличает и, значит, отождествляет истину с правдой. И Сождеицын как будто направляет ей обратный упрек, что образованщина-де стала приводем ремнем к государственным целям. Интеллигенция — уже не критически мыслящие личности, поэтому она «образованщина». Русская интеллигенция в XIX веке — это были фанатично критически мыслящие люди, т.е. критические — да, но как-то фанатично критические. И в этом парадоксе была вся патология русской интеллигенции. Сейчас этого нет. Сейчас, увы, нет, хотелось бы побольше вот этого фанатизма независимой мысли, его не хватает. В какой-то мере он должен быть. Мыслящий человек не должен быть обязательно умеренным человеком. Умеренный человек ни-

когда не создаст ни великой литературы, ни великой музыки и не станет пророком. Все святые пророки с какой-то точки зрения были, по-моему, невыносимы для обычных людей: инакомыслящие, то есть изгой. Многие зависят от преподавателей, т.е. от того, как формируются эти преподаватели. Если они не станут мыслящими людьми, они не смогут сформировать мыслящих учеников.

Личность преподавателя всегда играет большую роль. И, конечно, надо ему дать максимальную экономическую независимость. Зарабатывать достаточно для, скажем, учителя в Сибири — это значит, что он может спокойно себе позволить раз в год съездить в Москву, чтобы музеи посетить, или в Петербург. Он должен иметь бюджет, который делает это возможным. И не будем требовать слишком многого, но без этой ежегодной поездки, возможной, если он этого хочет, он не совсем экономически независимый человек. Он должен получить значительно больше чем прожиточный минимум. Это очень важно. И это относится ко всем интеллигентным работникам.

А.А. Мелик-Пашаев: Это очень трудный вопрос, хотя бы уже потому, что интеллигентность в реальном (а не теоретико-познавательном) смысле слова мышлением никак не покрывается. Это всем известно. Как возможно возвращение? А точно ли было то, к чему сейчас следовало бы вернуться, действующая образовательная система, разбившая поколения целевых и просвещенных людей? Мы ведь сейчас не можем уйти от проблемы общего образования, вот в чем одна из главных наших трудностей. Думаю, успехи в этом направлении могут стать результатом целенаправленных, но не институциональных усилий, последние могут быть лишь необходимым средством, и не с них надо начинать. Наши образовательные ведомства все время прикладывают «институциональные усилия» без ценностно-содержательного замысла, а школе приходится вкушать и перерабатывать плоды этой активности.

А.А. Игнатъев: Я полагаю, что сегодня подготовка «интеллигенции» в собственном смысле слова, т.е. различного рода публики, обладающей повышенными способностями к эффективной стратегической рефлексии, вновь становится сугубо персональной, «штучной» задачей, а соответственно — оказывается за рамками системы образования как таковой. Гораздо более успешными в интересующем нас плане представляются новейшие формы консультирования и тренинга, объединяемые понятием «coaching»; вот тут перспективы «частной инициативы» остаются достаточно благоприятными, тем более что и соответствующие институциональные структуры уже существуют. Есть такая точка зрения, что «понимание» всегда является результатом достаточно существенного усилия, а следовательно — предполагает «конкретную» личную мотивацию, которая «от природы» человеку не свойственна и возникает только в «пограничных» социальных контекстах: как говорится, когда и если «жареный петух клохнет», а такие ситуации всегда и заведомо имеют сугубо персональный характер.

Проф.-свят. Георгий Кочетков: Образование в современном контексте далеко не всегда связано с интеллигентностью. Можно быть довольно хорошо образованным и совсем неинтеллигентным человеком, человеком низкой общей культуры. Интеллигентность предполагает некую универсальность, всё-таки это плод эпохи модерна и особого периода взлёта доверия к объективной, позитивной науке. В этом был и романтизм, и позитивизм одновременно. Отсюда столь развитый в то время, во второй половине XIX — первой половине XX века атеизм интеллигенции. Интеллигенция была культурно высокого уровня, она жила этим культурным уровнем. В общем-то, без особого, основанного на совести отношения к миру, людям, народу, истории, традиции, культуре, искусству, дальним и близким, без чего невозможно представить себе настоящую интеллигенцию. Поэтому сейчас, к сожалению, приходится говорить о том, что эпоха интеллигенции закончилась. Я застал старых интеллигентов, ещё дореволюционной или послереволюционной выучки, живших в интеллигентных семьях, не поддерживавших советскую систему. Это были люди особой культуры, которая не воспроизводилась, которая погибла, видимо, в ГУЛАГах, войнах и культурно-социальных революциях XX века. И вряд ли сейчас стоит говорить о том, что само образование, даже гуманитарного типа, породит интеллигенцию. Это могут быть «универсалы», как говорил В.Л. Глазьев, это могут быть люди высоких профессиональных качеств, знаний, труда, честного, серьёзного, глубокого, полноценного отношения к профессиональной деятельности, но это именно интеллектуалы, которые уже не то, чем была интеллигенция в прошлом.

Образование должно прививать людям к корням, делать культуру, историю, искусство, науку прозрачными, т.е. не раздорными на автономные эпохи. Такое образование крайне необходимо, его очень не хватает везде именно в силу побеждающего утилитарного подхода. Американская система образования почти всего не очень качественна. Не случайно американская наука требует «вливания» учёных из-за границы. И сейчас она впитала огромное количество выехавших из бывшего Советского Союза людей, она сама себя воспроизводит с трудом, почти не умеет это делать. Европейская культура — это другая история, там свои проблемы, хотя и там тоже часто бывает утилитарный и индивидуалистический подход к своей деятельности. Мы должны повышать качество образования, заботиться об этом, решать проблему образования. Но мы не должны думать, что это решит все проблемы культуры, они решаются не только этим путём.

Сознательные христиане — это сила, которую победить невозможно

Школа когда-то пришла в Россию, конечно, из Греции, она была эллинской. Потом Запад стал на нас наступать. Для защиты от католицизма, от влияния Польши и т.д. в наших школах ввели латинский язык как необходимый инструмент в процессе преподавания, как своего рода автомат Калашникова против наступающих на нас. Но волей-неволей мы всё же подверглись влиянию

католиков, потом протестантов, в частности немцев. Однако во второй половине XIX в. мы преодолели это, и постепенно наша богословская Школа стала национальной, русской православной Школой со своим преданием. Это предание продолжало жить в диспаре наших эмигрантов в Париже, когда их всех выгнали. Вот нам сейчас надо продолжать эти традиции. Наша профессиональная школа для священников — семинарии и академии, — конечно, нуждается в улучшении, но здесь ничего нового в основном создавать не надо для подготовки священников-профессионалов. Когда мы праздновали 1000-летие Крещения Руси, имелось в виду Владимирское крещение. В сущности говоря, мы праздновали в то время, когда надо было начинать новую христианизацию нашего народа после десятилетий господства атеизма и атеистического воспитания. Через семинарии, которые готовят священников для требослужения и богослужений, и через академии, которые имеют более высокий уровень, мы многого не достигнем в области образования народа. Необходима катехизация всего нашего народа. И очень важно, чтобы работа по катехизации, кто бы ее ни вел, продолжалась. Это очень важное служение в церкви. Если священноначалие видит, что кто-то делает это неправильно, пусть поправит, но катехизаторы обязаны продолжать, *обязаны* продолжать дальше. Без христианского образования, без катехизации мы ничего не сделаем. Народ будет скучать в нашей церкви и постепенно уходить. Побудет, потому что вначале всегда интересно, тем более, что всё свое, родное: церковь, лампады, иконы, пение, — а потом уйдет. Молодежь, интеллигенция пришла, посмотрела, а ведь умно ничего из этого не последовало, мы ведь в школе привыкли умно всё брать. Вот, выйдет человек из храма, а его на улице встретит какой-нибудь сектант-катехизатор, сейчас ведь много всевозможных миссионеров, заведет к себе и понравится ему, потому что будет говорить на понятном языке. Я уже не раз видел людей, мне знакомых, которые, к сожалению, стали католиками, католики — еще победы, хотя это тоже плохо, а то и просто уходят к сектантам. Так что нам катехизация крайне необходима.

И последнее. Я уже не раз говорил, и когда помру, буду говорить, а если надо, восстану из мертвых и буду повторять нашей иерархии, даже если ей это и не нравится — а ей не нравится, это факт, — буду говорить, что мы одни не сможем провести катехизацию нашего народа. Нам нужна помощь всего народа Божия. Народ Божий, святой народ — это мужчины и женщины, лаики, которые уже степенно посвящения призваны к работе в церкви...

Очень важно, чтобы мы воспитывали тех, кого крестим, и взрослых, которые идут в церковь, тоже должны воспитывать в христианском учении и Духе. А для этого усилий только одних священников мало. Духовенство просто не в состоянии это делать. Духовенство занято с утра до вечера богослужением, а потом — требослужением, и оно гонится за этими обрядами, потому что из этого следует доход, а им тоже нужно жить. Вот и не будет времени заниматься катехизацией...

Необходимо всех взрослых, которые пришли в церковь, делать сознательными христианами. Сознательные христиане — это сила, которую победить невозможно. В этом сила и наших братьев, если это настоящие братья.

Из доклада протопресв. Виталия Борового на конференции СФИ «Предание Церкви и предание Школы» (1999 г.)

ТРЕБОВАТЕЛЬНО-ПРОНЗИТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ И УЮТ «МОЛИТВЕННОЙ АТМОСФЕРЫ»

ЗАЧЕМ НАМ ИКОНЫ?

Очевидные, сами собой разумеющиеся, привычные для нас понятия и вещи кажутся столь ясными, что как будто бы не нуждаются в объяснениях. При этом часто бывает что, начиная задумываться о них серьезно и последовательно, мы осознаем, понимаем очень расплывчато и неуверенно даже для себя, что это за вещь, в чем заключается ее настоящая ценность для нас и зачем она существует в нашей жизни. Пытаясь понять, что такое икона, первоначально надо ясно определить задачи икононого образа, и тогда наши поиски художественных средств обретут конкретные критерии. Для чего икона? Для того ли, чтобы приобщить человека к небесной красоте, т.к. по словам блаженного Августина «красота — это сверканье истины» и истина, добро и красота находится в неразрывном единстве? Или дать «Священное Писание для неграмотных», как иногда определялось церковными постановлениями, т.е. церковное искусство понимается как одно из средств проповеди христианства? Способствовать ли духовной, молитвенной настроенности человека, вошедшего в храм, окружая его напоминанием о чтимых святых и событиях жизни Церкви? Все эти задачи, безусловно, присутствуют и решаются церковным изобразительным искусством. Но есть основная, главная предпосылка, породившая икононый образ, которая, несмотря на свою принципиальную значимость, мало ощущается современным человеком. Нашей природе свойственно желание иметь реальное общение со Святым, и Церковь изначально верила, что через описуемый образ возможно общение с Первообразом, т.е. что написанная красками икона Господа Иисуса Христа, Богородицы или святого способна заключать в себе, нести в себе, сохранять и передавать их присутствие здесь и сейчас. Что эта икона хотя и не во всесторонней полноте, но — имеет в себе и сообщает (передает) энергию Первообраза. Встреча со святым через его икону, это, по пониманию Церкви, именно реальная встреча, диалог, общение. Не просто интеллектуальная, умозрительная конструкция: «Я должен думать, представлять, что это означает то-то...» Присутствие святого в иконном образе — это, по пониманию Церкви, хоть и не полное, но настоящее, живое присутствие, и наше общение с ним через его образ — это реальное личностное общение. Возможность действительного, реального общения с личностями, пребывающими в вечном, Горнем мире — есть базовая интуиция, лежащая в основе возникновения иконописи как сакрального, церковного искусства.

Такое высокое, таинственное и, попросту говоря, страшное по своей дерзновенности понимание назначения икононого образа можно подтвердить огромным количеством святоотеческих и богослужебных текстов. Но лучше всего его подтверждают древние иконы, обладающие потрясающей выразительностью и направленные на активное взаимосообщение, обращение к человеку.

ИКОНЫ В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

При этом при взгляде на наше нынешнее отношение к церковной живописи возникает ощущение, что современные люди, даже верующие, даже профессиональные иконописцы, во многом утратили способность к такому восприятию икононого образа. Интересы «большой» жизни вокруг нас настолько ограничены бытовыми, житейскими ценностями, что сознание современного человека мало способно ощущать неразрывную, живую связь между символом и символизированным, образом и Первообразом. Но если мы уберем эту связь — разрушится весь смысл икононого образа. Икона станет нужна только как «храмовая декорация», элемент создания определенной церковной атмосферы, что мы, к сожалению, очень часто и имеем сейчас в наших современных иконостасах и настенных росписях. Без возвращения к пониманию истинного, изначального назначения образа мы не сможем создать икон, подобных иконам древних иконописцев.

Общаясь с различными людьми по поводу церковного искусства, понимаем, что многим не только неверующим, но и вполне церковным людям икона, воспринимаемая как образ, предназначенный к активному участию в физическом пространстве нашей жизни, не очень-то и нужна. Они ожидают другого.

Мне рассказывали мои друзья иконописцы, что недавно им пришлось срочно сделать большой иконостас, и эта работа принималась высокопоставленным начальством. Не все иконы были гитовые. В богатой украшенной золоченой деревянной резьбе пришлось оставить пустые пока проемы даже в центральных местах. «Простите, пока так, скоро приведем остальные». «А что, разве чего-то не хватает? Да уже и так хорошо». Я сейчас отнюдь не в осуждении невнимания. Этот комичный случай — характерная иллюстрация к постановке серьезной проблемы.

Сейчас часто иконы востребованы не как носители образа «открывающего и возводящего к первообразу», но как значимая деталь некоей общей «церковной, молитвенной атмосферы». Тишина, мир, благолешие. Торжественность и величественность, создаваемые та-

инственным мерцанием и отблесками лампад и золота. Многочисленные фигуры святых изображений, перевитых линиями замысловатых орнаментов. Необычное, чарующее, мистическое пространство. Переживания подобного рода — необходимая часть религиозной жизни верующего. Храм должен быть для нас домом родным, своим, приветливым, знакомым, теплым и притягательным.

Но возникает чувство, что образ обращающийся, вызывающий к себе, ориентированный на живое общение, встречу, диалог, часто очень требовательный, непростой, «пронзительный» по прекрасному выражению замечательного нашего византиста Ольги Поповой, не очень-то вписывается в такое пространство и даже способен разрушить уютный материнский покой описанной «молитвенной атмосферы». Приходится признать, что это всегда неожиданно, всегда новое чудо встречи с глубиной и тайной Первообраза, которое случается нам переживать при внимательном вглядывании-

Икона Богородицы. Цалкани (Грузия). IX в.
Энкаустика на дереве.

предстоянии пред древними иконоными образами звучит диссонансом в этом сложившемся мире привычной нам обстановки. Уместен ли здесь тревожный, «пронзительный», требовательный, вызывающий взгляд, например, кремлевского «Спаса «Ярое око» XIV века, испепеляющий все наше «слишком человеческое», дремлющее и инертное? Или столь «неспокойный» в обычном понимании образ Спасителя из монастыря святой Екатерины на Синае, самая древняя из дошедших до нас икон Христа, относимая к VI веку? Что же делать? Могут ли быть соотношены стремление хотя и к духовному, но уюту и острое свидетельство веры в одном архитектурном пространстве? Хотим ли мы, готовы ли ввести в этот тихий мир привычной нам атмосферы современного храма эти напряженные, мощные, пылающие духовным огнем образы средневековых иконописцев, вызывающие к нам со стен древних храмов, в музейных собраниях, в репродукциях книг моей икононой библиотеки? А может быть, мы сами создаем и организуем атмосферу нашего храма, исходя из доминант нашей религиозности? Что мы хотим возродить, возродив древнее искусство иконописания, его стилистическую форму или его основное содержание?

Думаю, тут опять же дело в изменении нашего понимания задачи иконы. Догматически, на уровне интеллектуальной конструкции, преподаваемой во всех духовных школах, мы обозначаем икону, следуя традиции древней Церкви и постановлениям соборов, как образ, способный возвести, соединить нас с Первообразом. Но на уровне повседневной практики ощущается значительная разница между менталитетом современной жизни, так мощно присутствующей во всем, и системой мировосприятия, породившей молитву и поклонение икононому образу, как действительно являющему через себя и значит однозначно и являющемуся живым присутствием Царства Небесного. Мы не рискуем взять на себя риск быть последовательными и попробовать принять участие в отношении «предстояний (молитвы)» — икононый образ — Первообраз» в их реальном значении, как его понимает традиция Церкви. По этим причинам сейчас наиболее востребованы иконы нейтральные, нивелированные, внешне имеющие подобие древних образов, но не имеющие от них

огромное принципиальное отличие в задаче. Они изначально не претендуют, не ориентированы на диалог, выявление присутствия, действительное участие в пространстве нашей жизни. Их назначение ограничено служебной целью — содействовать созданию определенной атмосферы и настроения.

Думаю, что каждый сам ответствен за степень серьезности своего отношения к иконе, но если мы внутренне не согласны на такое снижение задачи икононого образа, есть необходимость вернуться к изначальному церковному пониманию иконы как пространства, в котором видимым образом существует Первообраз, выявлять и акцентировать художественные средства, использованные традицией церковного искусства для пластического выражения этого богословского положения.

ПОЧЕМУ ЭТО ВАЖНО СЕГОДНЯ?

С начала перестройки в России появилось большое число людей, занимающихся церковным искусством, иконописных школ и иконописцев. Среди них есть некоторое число серьезных профессиональных мастеров, ищущих путей живого продолжения иконописной традиции и понимающих икононый образ во всей высоте и глубине его назначения. Однако в большинстве случаев, к сожалению, можно отметить в основном достаточно невысокий уровень творческой художественной работы и профессионализма. Специалисты подчеркивают наличие «ученического», «ремесленного» подхода современных иконописцев, схематичность, пустоту и безжизненность многих произведений современной церковной живописи. Очевидно, проблема не столько в техническом мастерстве современных иконописцев, сколько в нечувствовании основной художественной и религиозной задачи иконописи. По этой причине современное церковное творчество чаще всего является лишь попыткой подделаться под стиль той или иной эпохи, не являясь искренним и органичным выражением внутреннего опыта и веры Церкви.

Альтернативой этой неестественной ситуации представляется возвращение к опыту древней Церкви, когда главной задачей иконописца было не сосредоточение внимания на живописных приемах, стиле и технике, но стремление передать через икононый образ присутствие Первообраза, т.е. Христа, Богородицы или святых. И древние иконы поражают нас в первую очередь не виртуозностью ремесленного мастерства, но особой проникновенностью и силой живого образа. Это действительно проповедь веры, обращенная непосредственно к молящемуся. Учасу у великих мастеров прошлого, изучая различные эпохи и стили, сложившиеся в могучее и многоветвистое дерево традиции христианского искусства, нам должно выявлять в этой традиции аспекты, наиболее соответствующие духовным поискам и запросам современного человека. Художественный опыт Церкви первого тысячелетия христианства оказывается не менее близок и востребован для нашего поколения, чем опыт позднего средневековья. Выразительные, близкие образы энкаустики, фрески и мозаики первых веков оказываются очень созвучны внутренним интуициям нашей религиозности, ищущей христианства не как набора интеллектуальных убеждений, но как реального, действительного проявления Веры в пространстве нашей жизни.

Священник Андрей Давыдов

* Древнее греческое название техники — еукайя, т.е. «энкаустика», означает работу восковыми красками. В энкаустике используются сухие пигменты из растертых полупрозрачных камней и природных красок, а для связывания красок берется очищенный специальным образом так называемый «луниский» воск. Воск обладает способностью обволакивать пигмент, предохраняя его частицы от реакции с другими пигментами, от воздействия влаги и от коррозии. В древнем церковном искусстве энкаустика использовалась очень широко. Древнейшие православные иконы Христа, Богородицы и святых, которые хранятся в собраниях крупнейших музеев и монастырей мира в Киеве, Константинополе, Риме, на Синае и благоговейно почитаются христианами, написаны именно в этой технике. Традиционная православная икона начиналась именно с энкаустической техники.

В мастерской священника Андрея Давыдова, профессионального художника, уже 30 лет занимающегося иконами, последние 12 лет ведется изучение и восстановление этой утраченной техники иконописи. Были воссозданы уникальные рецепты очищения воска и изготовления восковых красок. То, о чем раньше можно было прочитать лишь в специальных монографиях, можно увидеть своими глазами! Отцом Андреем уже выполнено множество икон методом энкаустики и в смешанной технике темпера-энкаустика. Это не только небольшие иконы, но и монументальные иконостасные работы высотой более 2 метров. Все работы выглядят как выполненные вчера — краски икон яркие, выглядят свежими, глубокими, насыщенными, поверхности икон имеют ровный матовый блеск. С их прекрасным состоянием не могут сравниться никакие темперные иконы 10–12-летней давности. Прекрасно сохранились и все энкаустики, фрески. Например, фрески, находящиеся на открытой улице, на фасаде храма и внутри неотапливаемого помещения в Псковском храме Рождества Иоанна Предтечи, в течение 10 лет практически не изменились. Это подтверждает, что тайна древнего мастерства может быть открыта и использована и сегодня. С 2007 года отец Андрей Давыдов живет и служит в г. Суздаль.

СПАСЕНИЕ И ОБЩЕНИЕ

Из доклада Елены Подкопаевой «Тема возрождения христианского общения и служения в трудах прот. С. Булгакова, Н.А. Бердяева и м. Марии (Скобцовой)»

В первой половине XX века — во время, во многом похожее на наше, — русская религиозная философия в лице своих ярких представителей С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева и м. Марии (Скобцовой) не только дала характеристику наступившей рубежной эпохи и предложила пути выхода из него. Их ответы не устарели, они могут быть переосмыслены с учетом современных форм и условий жизни и послужить современным христианам руководством к действию.

С.Н. Булгаков много размышлял о трагизме духовной ситуации в начале XX века. Чтобы христианские осмыслить разные вопросы истории, культуры и социальной жизни, он обращался к опыту живого богообщения первых христиан. Первые христиане, уверенные в прочности своей духовной позиции, будучи социально совершенно бесправными, бросали вызов сильному и враждебному миру и успешно выполняли возложенную на них Христом миссию. В первых христианских общинах создавались новые условия жизни, нравственной, социальной, экономической. У них было одно сердце и одна душа, они продавали свои имущества и имели общее имущество, распределяли все необходимое по нужде каждого, — так гласит нам книга «Деяния» из корпуса Нового Завета. Отсюда и такое сильное влияние первохристианства на всю человеческую жизнь. И обращение к опыту первохристианской Церкви может способствовать обновлению христианского мировоззрения для подвижничества служения в современном мире. Соблюдение повелений Христовых раскрывало перед человечеством беспредельные перспективы развития, как внутреннее, связанные с усовершенствованием человеческой личности, ее внутреннего мира, так и внешние, которые заключаются в исправлении человеческих отношений, связанных с политическим и социальным прогрессом¹. Таким образом, «христианство, восстанавливая идеальное достоинство личности в осознании ее богоустроенности, дает и высшую норму общения этих личностей в идеале церкви, внутреннего единства и братства во Христе по образу <...> единосущной и нераздельной Троицы»².

С.Н. Булгаков говорит об универсальной природе религии, о том, что религия есть не только связь человека с Богом, но и человека с человечеством. Поэтому именно религия является глубинной основой общности. Общество, таким образом, социализируется не за счет экономических, политических, правовых связей, они — вторичны, а за счет религиозных. Мир, в котором мы живем, должен соединяться нами на религиозной основе: на связи человека с Богом и человека с человеком³. Поэтому Церковь никогда не должна связывать себя ни с одной из государственных социальных форм. Здесь С.Н. Булгаков возлагал большую надежду на создание церковной общности, которая могла бы дать импульс всей политической и социальной жизни, чтобы она получила вдохновенный пророческий характер. Но чтобы разрешить религиозную проблему общности, необходимо каждому человеку не только проникнуть в глубину духа, но и «ощутить себя в составе всечеловеческой плоти, приобщившись некоему природному таинству органической общности...»⁴. Тогда с преображением плоти просветится и социальное бытие, обновятся общественные связи. Булгаков называл это «мистическим заданием религиозной общности»⁵.

Таким образом, считал С.Н. Булгаков, перед христианством всегда стоят две задачи: во-первых, внутри себя возродить норму христианского общения в духе любви и свободы и на этом основании творить изнутри свою социальную жизнь, свидетельствуя об этом миру, во-вторых, принимать участие в жизни общества, опираясь исключительно на эти нормы, проплетая общество собственными идеями и делами.

Но начало XX века в России было не только временем духовной опустошенности, но также временем подъема духовной культуры, поисков новой философии, обостренных религиозных и мистических исканий, интенсивного развития самосознания российской интеллигенции, отличающейся стремлением философов и религиозно осмыслить все явления действительности. Уже начал складываться новый стиль мышления, совмещающий в себе рационалистические и иррационалистические моменты, научный подход и принятие религиозного образа мысли. Начало XX века было также пробуждением человеческой личности, началом рождения человека — нового типа, обращенного к внутренней жизни, к чему была направлена вся мировая история.

Н.А. Бердяев остро чувствовал переломные наступившей эпохи, ее духовный кризис. Отправной точкой его экзистенциальной философии стал человек как личность. Это означало, что внешний опыт и мышление являются производными от внутреннего

опыта личности. Н.А. Бердяев отошел от «рационализации» бытия, которую он считал иллюзией сознания, порожденной социальным приспособлением. Он считал, что только в целостности мистического восприятия человека, т.е. в восприятии бытия без разделения на субъект и объект, может открыться Истина. Поэтому проблема человека как центра бытия есть проблема христианская по преимуществу, ибо в Церкви человек раскрывается и формируется как целостное существо, личность, в подлинном общении, сорисности с другими личностями и таким образом преодолевает свой эгоцентризм и реализует Божий замысел о себе.

Н.А. Бердяев был убежден, что личность имеет безусловный приоритет перед обществом. Именно поэтому, что личность осознает свое бытие как высший

Н.А.Бердяев, Е.Ю. Скобцова (будущая мать Марии), о. Стефан Данилов. 1930 г.

смысл мироздания, она больше и общества, и космоса. Таким образом, если смотреть изнутри, из духа, то не личность является частью общества, а наоборот, общество надо рассматривать как часть личности. Конечно, оба эти вопроса взаимосвязаны. Осознание личностями своего единства с Богом приводит к возникновению коммунитарности, т.е. духовной общности людей. Поэтому христианскую общность можно мыслить лишь как свободную братскую общину. Именно в христианской общине в полноте свободного общения людей с Богом и через Бога друг с другом преодолевается разобщенность, происходит освобождение духа и реализуется личность.

Н.А. Бердяев строит свою персоналистическую философию на парадоксальности жизни личности: она не только вмещает в себя сверхличное, но и может свободно принимать его как глубоко личное. Социальность есть одна из сторон человеческой природы. Воздействие Бога на социальные организмы людей происходит через имманентное качество социальности в личной совести, а не через внешнюю социальную действительность⁶. И здесь христианство может ставить свои властные требования общественной совести, влияя на общественную совесть.

Появление нового человека возможно, если человека считают высшей ценностью, образом Божиим, а не средством для внешней социальной организации общества⁷. Но чтобы внести христианское измерение в общественную жизнь, христианское общество само должно обновиться качественно, духовно. Христианство необходимо делается больше социальным изнутри, из духа, становится действительно соборной общностью, необходимо укрепиться в вере во всеобщее спасение, стать религией социального преображения, разделить судьбу мира и вложить в себя культурные ценности, накопленные человечеством в истории.

Такой шаг может сделать возрожденная Церковь, признающая не только действия Бога по отношению к человеку, но и свободные творческие действия человека навстречу Богу, и, таким образом, являющая миру то, что пророческий дух, способный преобразить жизнь, — это дух церковный, исходящий из

глубины Церкви. Тогда все стороны человеческой деятельности смогут обрести религиозную основу изнутри, из свободного духа, и на этой основе возможно устраивать государство и укреплять общество. Общество должно иметь своим основанием не организацию жизни, а духовное просвещение и преображение жизни, что под силу лишь христианской Церкви.

Вся практическая деятельность м. Марии в эмиграции сосредотачивается на жизни по евангельским заповедям. Она опиралась на примеры русской религиозной мысли XIX века, утверждавшейся на заповеди любви к ближнему. Эта заповедь подвигла А.С. Хомякова говорить о соборном устроении Православной церкви как о высоком человекообщении, покоящемся на любви. Учение В.С. Соловьева о Богочеловечестве имеет смысл только в контексте этой заповеди, так как именно братская любовь и общение собирают человечество в Тело Христово, Богочеловечество, и дают ему жизнь. В свете этой заповеди понятны слова Ф.М. Достоевского об ответственности каждого за всех⁸. Мать Мария всей своей жизнью доказывала равноценность заповеди о любви к Богу и любви к человеку. «Необходимо, — писала мать Мария в статье «Православное дело», — отношение к человеку и к миру строить не на законах человеческих и мирских, а на откровенной заповеди Божией, то есть видеть в человеке образ Божий и в мире — создание Божие»⁹. Она была глубоко уверена, что только в «свободном трудничестве», которое есть основа христианского общего дела, создается единое духовное братство — Церковь, такой своеобразный монастырь в миру, трудящийся на ниве Христовой, а не просто сообщество верующих. Таким образом, общую жизнь мать Мария определяла не только как единение, но и как единодействие. Но она не сводила единодействие только к социальной работе и благотворительности, но определяла его как возможность общения в любви, в котором преодолеваются собственное равнодушие и маловерие и создаются подлинные духовные христианские ценности: мистика человекообщения приводит к раскрытию богообщения¹⁰. «Все в мире может быть христианским только в том случае, если проникнуто подлинным трепетом богообщения, доступного и на путях подлинного человекообщения»¹¹. Именно в обновленной Церкви через активное, жертвенное служение Богу и в Боге людям возможно преодоление кризиса целостной жизни, т.е. отношение к людям должно быть подлинным и глубинным богослужением¹². Мать Мария подняла на большую духовную высоту отношение к людям. Она считала, что служение христиан в мире, который она называла храмом, а людей в нем — иконами, есть их общее служение, общее дело, всечеловеческое жертвоприношение любви, свидетельство богочеловеческого единения в молитвенном духе¹³.

Для исполнения заповеди о любви к Богу и любви к человеку необходимо отвержение себя, полное духовное обнищание. Отданное в общение только тогда возвращается с прибытком, когда происходит каждодневная отдача себя. И мать Мария еще раз подчеркивает, что речь идет не о добрых делах, а о подлинном источнике. Только любовь ведет к нищете духовной, только нищий духовно полагает душу своего за друзей своих¹⁴. Такое свободное принятие креста Христова освобождает человеческую душу от подчинения законам природного мира, и перед человеком открывается сверхприродный, т.е. богочеловеческий путь, путь духовной свободы, активности и ответственности¹⁵. На этом богочеловеческом пути важно укрепляться в вере, не руководствоваться мерой своих человеческих сил, так как силы даются человеку сверхъестественные и потому неисчерпаемые¹⁶.

Мать Мария, настаивая на деятельном христианстве, считала, что служение ближнему должно осуществляться не только на духовном, но и на душевном и физическом уровнях человеческого существа. Основанием для такого утверждения служило Евангелие и святоотеческая традиция («Доброутробные»). Именно эти источники указывали ей правильное направление мысли и давали возможность не блуждать в потемках, а правильно находить пути и видеть границы различных областей человекообщения, а также понимание того, что в них входит. В центре внимания христианина всегда находится ближний. Ему — и последняя рубашка, и последний кусок хлеба. Душевность необходима, так как она позволяет понять мотивы поведения души человека и установить связь с душой ближнего, буквально почувствовать себя на месте другого человека. Духовное делание должно быть основано на религиозном отношении к человеку, которому служишь, так как глубокое общение с ним на духовном уровне способно привести к встрече с подлинным образом Божиим. Мерой всего должны быть внимание, трезвость и любовь¹⁷.

(Продолжение на с. 8)

Спасение и общение

(Окончание. Начало на с. 7)

Таким образом, все эти заново открытые в теориях и учениях слова «соборность» и «Богочеловечество» необходимо практически воплотить как в личной духовной жизни, так и во внешнем делании, показать миру истинность именно этого христианского пути и тайне подлинного человеко-общения противопоставить все другие формальные отношения между людьми¹. Доказывая равноценность заповедей о любви к Богу и любви к человеку, опираясь на Евангелие, святоотеческий опыт, а также на опыт русской религиозной мысли XIX в., мать Мария говорит о мистике человеко-общения как высочайшем измерении духовной жизни христианина.

И С.Н. Булгаков, и Н.А. Бердяев, и мать Мария предвидели наступление новой эпохи в христианстве, в которой большую роль отводили религиозной интеллигенции. Именно на ней, говорили они, будет, как это происходило во времена великих церковных учителей, лежать ответственность за создание христианской общественности и христианской культуры, за обновление Церкви, человека и мира.

¹ См. Булгаков С., прот. О первохристианстве / Булгаков С., прот. Два града: Исследования о природе общественных идеалов. СПб.: РХГА, 1997. С. 177.

² Там же. С. 178.

³ См. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. С. 52.

⁴ Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. С. 346.

⁵ См. Бердяев Н.А. Два понимания христианства. К спорам о старом и новом в христианстве. Православная община. 1995. № 29 (5). С. 61.

⁶ См. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. — М.: Наука, 1990. С. 148.

⁷ См. Мария (Скобцова), мон. Вторая евангельская заповедь // Кузьмина-Караваева Е.Ю. (Мать Мария) Жатва Духа: Религиозно-философские сочинения. СПб., 2004. С. 378.

⁸ Мария (Скобцова), мон. Православное дело // Кузьмина-Караваева Е.Ю. (Мать Мария) Жатва Духа: Религиозно-философские сочинения. СПб., 2004. С. 361.

⁹ См. Мария (Скобцова), мон. Православное дело // Кузьмина-Караваева Е.Ю. (Мать Мария) Жатва Духа: Религиозно-философские сочинения. С. 362-363.

¹⁰ Мария (Скобцова), мон. О монашестве // Кузьмина-Караваева Е.Ю. (Мать Мария) Жатва Духа: Религиозно-философские сочинения. С. 120.

¹¹ См. Мария (Скобцова), мон. О монашестве // Кузьмина-Караваева Е.Ю. (Мать Мария) Жатва Духа: Религиозно-философские сочинения. С. 118.

¹² См. там же. С. 119.

¹³ См. Мария (Скобцова), мон. Типы религиозной жизни // Кузьмина-Караваева Е.Ю. (Мать Мария) Жатва Духа: Религиозно-философские сочинения. СПб., 2004. С. 160-162.

¹⁴ См. Мария (Скобцова), мон. О подражании Богоматери // Кузьмина-Караваева Е.Ю. (Мать Мария) Жатва Духа: Религиозно-философские сочинения. С. 167.

¹⁵ См. там же. С. 175.

¹⁶ См. Мария (Скобцова), мон. Вторая евангельская заповедь // Кузьмина-Караваева Е.Ю. (Мать Мария) Жатва Духа: Религиозно-философские сочинения. СПб., 2004. С. 373-376.

¹⁷ См. там же. С. 379.

КАК ЭТО МОЖНО ОБЪЯСНИТЬ?

В один из дней Страстной седмицы оглашаемая из группы при нашем братстве вышла из метро Юго-Западная и увидела, что на выходе из подземного перехода раздают красочные буклеты. Когда она возвращалась и входила в метро снова, то обратила внимание на яркие иллюстрации: это были изображения Христа, храмов. Люди брали буклеты, которые им вручали без объяснений, смотрели, оставляли на парашете, бросали. Она подняла один из буклетов — оказалось, что это Евангелие от Марка. Шел дождь, разбросанные на парашете евангелия мокли. Ей стало очень горько. Она бросилась собирать. Потом подошла к раздававшим Писание молодым людям и сказала: «Что вы делаете, ведь это Слово Божие?! Люди

бросают Евангелие!» Они же напомнили ей, что не нужно судить других и что у них благословение патриарха Алексия и епархии. Озадаченная и расстроенная, вечером она пришла на огласительную встречу, рассказывала о происшедшем, об этой картине покаяния Писания и о равнодушных тех, кто устроил безобразие. В глазах у нее стояли слезы. Мы постарались ее успокоить, но объяснить, почему миссия проводится такими коштунными методами, было трудно.

Через несколько дней она принесла собранные буклеты, чтобы можно было раздать их тем, для кого Евангелие что-то значит.

Юлия Киселева,
Воскресенское братство

Да, несомненно, очень тяжело объяснять такие вещи человеку, входящему в церковь — объяснять так, чтобы и не погасить против правды, и не пошатнуть доверия к церкви. Надо сказать, что картины разбросанных у метро евангелий были забыты многие люди, в том числе и обсуждавшие эту «миссионерскую» акцию в Живом журнале. Мы публикуем здесь это обсуждение в надежде, что оно ответит хотя бы на часть возникших вопросов.

v.leria: Вхожу в метро «Китай-город», юноши раздают что-то глянцевое: «Берите все, это подарок от Русской православной церкви». Спрашиваю: «Что за подарок?» Радостно протягивают мне евангелие от Марка с яркими картинками: «Смотрите, написано: издательство Сретенского монастыря, берите больше!» Люди берут, привлеченные яркой обложкой, кто-то благодарит. А кто-то, пройдя несколько метров и разглядев заглавие, откладывает куда попало.

Хорошо еще, что не бросают на пол, как это часто бывает с рекламой. Выхожу из метро и вижу Евангелие, мокнущее под дождем на парашете. Говорю мальчишкам, весело бегущим с очередными стопками в переход метро: «Что вы делаете, так нельзя обращаться со святыней! Смотрите, люди оставляют Евангелие под дождем! В Древней Церкви запрещалось давать Писание неверующим. Это называлось traditio, т.е. предательство. Скажите своему начальнику, что так нельзя». Мальчишки останавливаются, в глазах замешательство: «Да мы не знаем... Ну мы скажем...»

Благие намерения авторов мероприятия очевидны, но средства такой «миссии» другими словами как легкомыслие и безответственность не назовешь. Не является ли эта акция Сретенского монастыря плодом недавнего выступления его настоятеля архим. Тихона (Шевкунова) на пастырском совещании о «проблеме нарастания модернистских, необновленческих тенденций в Русской Православной Церкви»? Архимандрит, наверное, решил словом и делом подтвердить «нарастание модернистских тенденций». И неожиданно для самого себя сделал это в стиле постмодерна.

Комментарий n.nastusha: Господи помилуй! Какой миссия в подобных акциях? Ведь не для отчета и не для выполнения плана... А тогда зачем? Видимо, это новый способ православной миссии.

v.leria: А я не уверена, что не для этого... В таких акциях нет ничего нового, разве что для православия и впрямь не характерно. ИМХО, это не способ миссии, а скорее грубая ошибка в деле миссии.

elka_sh: Какая грустная картина — Евангелие под дождем! Хорошо ещё, не под ногами...

Но вопрос всё-таки интересный — а вдруг кто-то, ну хоть один человек, прочтает, задумается и таким образом придет к Богу?..

v.leria: Может быть, будем надеяться, что кто-то задумается...

Хотя все же, наверное, трудно ждать доброго плода, когда попирается святая...

elka_sh: Ещё, конечно, интересно, что для молодых людей то, что Вы сказали, было явно в новинку...

v.leria: Да, при том, что эти юноши, как они мне сказали, учатся в Сретенской семинарии при монастыре...

alchantor: Куда бы не сеяли — лишь бы упало и поросло. А дальше — всё от Бога. Сам Сеятель в притче настолько захвачен севом, что сест и в терния, и при дороге, и на дороге, и на тучную землю. Муравей сеятель, конечно, сеял бы только в черномзе.

Но Бог мудрее нас с вами — очевидно...

v.leria: Если бы все было так просто, упаковал Слово в яркую приманку да разложил повсюду, и рыба сама в сети косяками поплывет... Только ведь не будет этого. Библия уже 20 лет в открытом доступе, а где плоды? Притча о Сеятеле не отменяет слов Спасителя о благоговейном отношении к святыне. Сеять Слово — совсем не означает разбрасывать Писание. Его можно дарить только тому, кто поверил и сам захотел прочесть. Иначе мы будем виновны в посягании на святину. Конечно, Вы правы, сеять Слово надо всюду. И на камне, и при дороге тоже. Но для этого необходимо личное свидетельство, и об этом притча.

alchantor: Апостолы сеяли слово Божье — не думая о том, к чистым или нечистым оно упадет. Всё совершит Христос. К сожалению, сразу после Апостолов фарисейское деление людей на чистых и нечистых пробралось и в христианство. Меня, честно говоря, оно теперь даже не удивляет, настолько крепкие оно пустило корни. Но удивляет и наименьше Стретенцев: раздача ярких книжек вместо проповедей. Мальчишек нанять легко. Гораздо трудней проповедовать самому на улицах города.

v.leria: Когда Христос говорит шокирующие слова: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями» (Мф 7:6), то Он не делит людей на чистых и нечистых, поскольку Он пришел вовсе не к праведникам, а к нам, грешным. Люди различаются не по степени чистоты, о которой мы не смеем судить, а по тому, на каком этапе пути к Богу находятся. По канонам православной церкви негодного человека нельзя крестить и причащать. То же относится и к Писанию. В первые века христиан-

ства отлучали от Церкви тех, кто давал его читать неверующим. Т.н. церковная «дисциплина аркан» — не деление на чистых и нечистых, а настоящая любовь к людям, чтобы они сами того не ведая не могли осеять, обругать или осквернить святыню и чтобы не погибли из-за этого.

dmateev: Справедливости ради, стоит заметить, что disciplina arcani давно не работает (как и вообще меры ограничительного характера плохо работают) — все всё читали или могут прочитать. В информационный-то век... Что, впрочем, только подчеркивает бессмысленность раздачи текстов Евангелия на улице.

v.leria: Не работает, к сожалению, хотя эту дисциплину никто не отменял, так же как обязательное оглашение перед крещением, как и невозможность участия в литургии верных тех, кто не причащается (возлаг «двери, двери» звучит впустую) и мн. др. Акция с раздачей Евангелия — не просто бессмысленная затея, она очень вредная тем, что усиливает отход от церковной нормы.

evellius: Неумелый миссионер — примерно то, что неумелый врач. Раздавать листовки — это уже сомнительно. А ПИСАНИЕ раздавать на улицах (поручая эту задачу, к тому же, людям явно малоинтересным) — чреватая святотатством. Даже протестанты это обычно понимают. Следующий шаг в этом направлении — почтовая рассылка. Спаси, Господи.

alchantor: По дороге в Кленники был я сегодня на месте происшествия. Да, ребята из Сретенского раздают Ев. от Марка. Не всем, а только тем, кто хочет! Подходит и просит. Из десяти человек восемь проходят мимо. И я с удовольствием взял.

А если там где-то злая — бросали, то это ведь не вина сеятелей.

v.leria: В том-то и дело, что это вина сеятелей.

Уж не говорю о том, что Евангелие нельзя рекламировать, что кидать такой акции низкий при огромных затратах. Но главное — миссия возможна при личном общении, а так — профанация, к сожалению.

dmateev: Это не реклама Евангелия, это скорее реклама Православной церкви как его законного обладателя. Смысл акции — «это наше, а не иеговистов каких-нибудь с харизматами». К такому выводу я пришел, пообщавшись с ребятами.

v.leria: Ребята думают, что престиж РПЦ от рекламы поднимется, им так сказали... Но как бы он не упал после этого...

По материалам интернет-дневника (блога) Валерии Волковой

НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU ВЫ МОЖЕТЕ НАЙТИ ОСНОВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ НОВЫХ НОМЕРОВ И АРХИВ ГАЗЕТЫ ЗА 5 ЛЕТ

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОАРУЖЕСТВА МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

Учредитель: Региональная общественная организация «Культурно-просветительский центр «Преображение»

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д.29, стр.1

Тел./факс: (495) 624-92-50

© РОО «Преображение». Все права защищены

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Главный редактор: А.В. Колыгина
Зам. гл. редактора: А.А. Буров

Электронный адрес редакции: kifa@list.ru

Электронная версия газеты: http://gazetakifa.ru

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Елена Шевелева, Дмитрий Матвеев, Владимир Лидский

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-24541 от 2 июня 2006 г.

Иллюстратор: Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш, Анна Лепехина

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Ткацкая, д. 5

Тираж 1500. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 21 мая 2008 г.

Время подписания в печать: по графику — 9.00, фактическое — 9.00

Дата выхода в свет 23 мая 2008 г.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org; в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СВИ — ул. Покровка, д.29, оф.38); в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).

Подписной индекс в агентстве Роспечать — 19601

Телефоны распространителей
Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 8-916-114-6737 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова); Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная); Архангельск: 8-921-299-4978 (Андрей Подорож);

Воронеж: 8-950-763-50-35 (Александр Терехов); Северодвинск: 8-921-299-7687 (Нина Портнова); Тверь: 8-(4822)-50-2308 (Олег Ермолаев); Тула: 8-(4872)-37-5782 (Марина Писаревская); Электросталь: 8-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)